

Гарри Джеймс Поттер, худенький и щуплый, как тростинка, с глазами цвета летнего неба, чувствовал себя чужим в этом доме. Он был словно лишняя деталь в безрадостном пейзаже жизни Дурслей. Тетя Петунья, женщина с резкими чертами лица и холодным взглядом, напоминала Гарри зимний ветер, пронизывающий до костей. Дядя Вернон, пухлый и властный, как бульдог, был воплощением всего, что Гарри ненавидел. — Дадли, Гарри, скорее к завтраку! — прозвучал голос тети Петунии, отрывая Гарри от размышлений. Он вскочил с кровати, где лежал, завернувшись в простыню, словно в кокон, и натянул свою школьную форму. Не новую, разумеется. Тетя Петунья никогда не тратила деньги на него, предпочитая наряжать Дадли, толстого и избалованного, как индюк. — Ты бы хоть немного причесался, — бросила тетя Петунья, не глядя на Гарри. — У тебя волосы как воронье гнездо. Гарри вздохнул. Он знал, что ему никогда не угодить. В его душе таилось что-то странное, необъяснимое, словно призрак прошлого, который не давал ему покоя. Он мог заставить предметы летать, мог видеть вещи, которые другим были недоступны. Но никому не рассказывал об этом. Он боялся насмешек, страха, отвращения, которое вызывало у взрослых его необычные способности. — Дадли, ты что, весь день будешь валяться? — раздраженно проворчала тетя Петунья. — Сегодня первый день в школе! Дадли, развалившись на кровати, как огромный тюлень, только хмыкнул в ответ. Гарри знал, что Дадли ненавидит школу, как и все, что не было связано с едой и играми. Завтрак был типичным для Дурслей: обильный, сытный, но бездушный. Гарри же получил миску мюсли и чашку чая. Никакого бекона, никаких сосисок. Он знал, что дядя Вернон никогда не позволил бы ему есть столько, сколько Дадли. — Дадли, сегодня ты должен хорошо себя вести, — строго сказал дядя Вернон, откусывая огромный кусок сосиски. — И не забывай, что ты — единственный сын в семье. Гарри почувствовал, как его сердце сжалось от этих слов. Он был словно тень, призрак, которого никто не замечал. — Ты сегодня хорошо себя веди, Гарри, — сказала тетя Петунья, как будто это было важнее всего на свете. Гарри кивнул. Он знал, что ему не избежать насмешек и унижений. Он был чужим в этом мире, где царили деньги, власть и жадность. — Не забудь, что ты — ничтожество, — прошептал он себе под нос, когда выходил из дома. Он не знал, кто он такой, откуда он взялся, и что его ждет в будущем. Но он знал одно: он был не такой, как все. И это его пугало. — Да, папа, — усмехнулся Дадли, выпячивая вперед свою толстую грудь, словно петух, расправляющий перья. — Это мой мальчик, — просиял дядя Вернон, глядя на сына с нескрываемой гордостью. Вскоре дядя Вернон, словно огромный, неуклюжий медведь, ушёл на работу, оставив Гарри, тетю Петунию и Дадли наедине. Дадли, похоже, был разочарован уходом отца, его губы надулись, а брови нахмурились. Гарри же, наоборот, ощутил облегчение, словно с плеч упал тяжелый груз. Он знал, что не должен радоваться, что это неправильно, но дядя Вернон вызывал у него лишь чувство неловкости и отторжения. Взаимно, разумеется. Гарри, признаться, даже предпочитал общество тети Петунии, пусть она и была суховатой и резкой. Дадли, в конце концов, был всего лишь глупым, но безобидным ребенком. Но дядя Вернон... Он вызывал у Гарри глубокую, неприязнь, словно черная дыра, поглощающая все хорошее. Гарри ничего не сказал. Не хотел лишних неприятностей, не хотел заставлять тетю Петунию выбирать, так как знал, что выбор ее падет не на него.